

УДК 94(47).082

Е.А. Гаврисенко

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА Н.Ф. ДАНИЕЛЬСОНА В КРИТИКЕ П.Б. СТРУВЕ

Изучается критика концепции экономического развития России пореформенного периода Н.Ф. Даниельсона со стороны П.Б. Струве. Проводится сравнение концепций исследователей по ключевым положениям, касающимся путей преобразований в стране в 1870–1880-е гг. и отношения историков к капитализму. В заключение делается вывод о большей реалистичности позиции П.Б. Струве, но недостаточной обоснованности его критики.

Ключевые слова: либеральное народничество, легальный марксизм, экономическая история, капитализм.

Тема прогресса всегда была актуальной для русской общественной мысли, она обострялась в период поиска альтернатив развития. Одним из таких противоречивых периодов для России, безусловно, являются 1870–1880-е гг., время контрреформ и активного роста капиталистических отношений. Вопрос о судьбах капитализма в России в это время стал весьма актуальным. Оригинальный вариант развития страны был предложен народниками либерального направления, а в их числе историком-экономистом Н.Ф. Даниельсоном, в исследованиях которого тема экономического развития России в пореформенный период занимает основное место. Им была сформулирована концепция, важное место в которой занимает теория особого некапиталистического пути России, и обоснована необходимость отказа от западного пути экономического развития.

Сформулированная в 1880–1890-е гг. в двух работах под общим названием «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», а также в ряде статей, посвященных отдельным вопросам [1–7], концепция Н.Ф. Даниельсона сразу же вызвала интерес и широкий резонанс в российских научных кругах. Специальные отзывы на работы исследователя для дореволюционной историографии характерны не были, однако в этот период их часто цитировали и ссылались на них почти все авторы, писавшие о пореформенном развитии России. Важно отметить, что в связи с оригинальностью концепции основная реакция научной общественности представляла собой критику ее основных положений. Это повлекло за собой появление целого ряда работ, содержащих оп-

ровержения ключевых идей автора «Очерков нашего пореформенного общественного хозяйства».

В 80–90-е гг. XIX в. критика работ Н.Ф. Даниельсона звучала от лица практически всех исследователей экономической истории России пореформенного периода. Однако основными его оппонентами выступали в этот период русские социал-демократы и сторонники либерализма, а в их числе и «легальные марксисты», позиции которых объединяла идейная близость к западничеству. Заключалась эта близость в поддержке тезиса об универсальности западного образца экономического развития [8. С. 176].

Среди «легальных марксистов» наиболее полная и последовательная полемика с Н.Ф. Даниельсоном прослеживается в работах П.Б. Струве и, прежде всего, в его труде «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» [9], в котором автор, помимо собственного подхода к поиску направления дальнейшего экономического развития России, представляет подробный и основательный критический разбор основных положений концепции Н.Ф. Даниельсона, которому посвящает целую главу. В основе критических построений П.Б. Струве лежат расхождения исследователей по ряду ключевых для экономического развития России пореформенного периода вопросов: причины обнищания крестьянства и сокращения народного потребления, пути экономического развития России и, в связи с этим, собственно отношение к капитализму.

Логика доказательств Н.Ф. Даниельсона строится на основании выявления негативных последствий капитализма для нашей страны и, прежде всего, для крестьянской части ее населения, глав-

ными в числе которых исследователь называет обнищание крестьян и сокращение народного потребления [1. С. 155; 2. С. 322–323; 3, С. 154; 4. С. 85]. Основной причиной этих явлений Н.Ф. Даниельсон считает отделение обрабатывающей промышленности от земледелия, то есть капитализацию домашних промыслов, и увеличение вследствие этого производительности земледельческого труда [2, С. 316; 5]. Казалось бы, налицо противоречие: увеличение производительности приводит к сокращению потребления и обнищанию. Однако в работах Н.Ф. Даниельсона это противоречие разрешается достаточно просто: рост производительности в земледелии привел к избытку сельскохозяйственной продукции на рынке, поэтому ее товарная стоимость снизилась, соответственно, сократился и доход земледельцев, к тому же в результате увеличения урожайности шло истощение почвы, что естественным образом влекло за собой неурожай и, следовательно, голод [2. С. 322; 5].

По мнению П.Б. Струве, данные выводы исследователя «не выдерживают никакой критики», поскольку увеличение производительности труда не может привести к удешевлению его продукции. Согласно концепции «легального марксиста» главная причина обнищания крестьян и сокращения народного потребления как раз противоположна положениям Н.Ф. Даниельсона и заключается в низкой производительности крестьянского труда вследствие его технической нерациональности. Как отмечает П.Б. Струве, играет свою роль здесь также избыток земледельческого населения, на всю массу которого просто не хватает земледельческой продукции [9. С. 238]. Поэтому, по его мнению, производительность земледельческого труда в России должна повышаться [9. С. 211].

Ложный характер выводов Н.Ф. Даниельсона П.Б. Струве объясняет тем, что народник в своей концепции подменяет понятие «производительность» понятием «интенсивность». Ссылаясь на теорию К. Маркса, исследователь отмечает, что под производительностью труда следует понимать количество продукта, произведенного в единицу времени, интенсивность же – это количество человеческого труда, затраченного на производство этого продукта. С точки зрения данного подхода земледельческая продукция, если прилагаемый к ней человеческий труд достаточно интенсивен, не может дешеветь. Н.Ф. Даниельсон же, как указывает его критик, под увеличением интенсивности труда имеет в виду толь-

ко техническое усовершенствование производства, что действительно ведет к понижению ценности и, следовательно, стоимости продукта, так как на его производство тратится меньше человеческого труда [9. С. 206–211].

Однако с выводом П.Б. Струве о том, что Н.Ф. Даниельсон не до конца понимает разницу между понятиями «интенсивность» и «производительность», нельзя полностью согласиться. В одном случае Н.Ф. Даниельсон действительно подменяет понятие «интенсивность» понятием «производительность», когда имеет в виду промышленное производство, и интенсивность определяет как применение техники. Но в другом случае под интенсивностью он понимает количество затраченного на производство именно человеческого (ручного) труда и совершенно логично говорит о том, что чем больше такого труда прилагается к производству продукта, тем он дороже (особенно это характерно для производства продукта, не рассчитанного на широкое потребление, к примеру предметов роскоши) [2. С. 206]. Кроме того, необходимо отметить, что, говоря об интенсификации производства, не удешевляющей его продукцию, Н.Ф. Даниельсон имеет в виду производство промышленное, а П.Б. Струве, критикуя его концепцию, говорит об аграрном производстве и, соответственно, земледельческом труде.

В этом смысле не совсем ясно, что именно «легальный марксист» понимает под земледельческим трудом: собственно земледелие или, кроме этого, скотоводство. Такое непонимание возникает в связи с тем, что для примера увеличения дохода американских фермеров за счет повышения интенсивности их труда он приводит именно разведение скота [9. С. 210]. Для этой сферы деятельности действительно необходима затрата большего количества человеческого труда, чем на выращивание, к примеру, пшеницы, но скотоводство – это все-таки не земледелие, а совершенно другая отрасль аграрного сектора, к производству в которой проблематично применить машинный труд и за счет этого удешевить его. Поэтому в данном случае логика критики П.Б. Струве концепции Н.Ф. Даниельсона не совсем ясна и не так основательна, как стремится показать ее сам «легальный марксист».

Главной причиной, приведшей к необходимости увеличения производительности земледельческого труда, Н.Ф. Даниельсон, как уже отмечалось ранее, считает капитализацию домашних промы-

слов, которая, по его мнению, произошла под влиянием активного развития в России фабричного производства, главным образом, при обработке текстильных материалов, удешевившего продукцию и сделавшего домашнее ее производство нерентабельным, а вследствие отсутствия средств производства (волоконистых материалов), перешедших в руки фабрикантов, и вовсе невозможным [2. С. 305–321].

В противоположность мнению Н.Ф. Даниельсона, П.Б. Струве утверждает, что уменьшение крестьянского производства текстильной продукции привело к увеличению ее фабричного производства, а не наоборот [9. С. 227]. Причинами такого уменьшения исследователь называет, во-первых, потребность в продуктах питания и расширение, вследствие этого, площадей под их производство; во-вторых, развитие торговли; а так как наиболее доходным продуктом рынка в тот период являлся хлеб, то приоритет в аграрном производстве естественным образом отдавался зерну, а не сырью для изготовления текстиля [9. С. 228].

Из данного положения логично следует вывод П.Б. Струве о том, что увеличение производительности земледельческого труда в России – необходимое условие экономического развития страны. Причем процесс этот должен происходить во всех сферах народного хозяйства, в том числе и в обрабатывающей промышленности. В этой связи, согласно концепции исследователя, капитализация промыслов – необходимый для роста благосостояния страны процесс, который П.Б. Струве называет формулой экономического развития России, в том числе и по той причине, что одним из важнейших его следствий, по мнению исследователя, станет развитие внутреннего рынка [9. С. 210–211]. Данный вывод в корне противоречит концепции Н.Ф. Даниельсона, считающего, что отделение обрабатывающей промышленности от земледелия и интенсификация земледельческого производства, приводя к снижению покупательной способности населения, вызывают сокращение внутреннего рынка и необходимость поиска рынков внешних [2. С. 202–205].

П.Б. Струве же в связи с этим отмечает, что при развитии в стране капиталистического производства нужда во внешних рынках возникнуть не может. Объясняет этот факт исследователь тем, что с развитием капитализма вытесняется натуральное хозяйство, а потребности населения в его продуктах не только растут, но и преобразовыва-

ются. По этой причине происходит развитие новых отраслей промышленности. Вместе с тем производственный прогресс земледелия увеличивает благосостояние населения и его покупательную способность, а следовательно, происходит развитие внутреннего рынка [9. С. 256, 272].

Таким образом, выводы П.Б. Струве относительно последствий увеличения производительности земледельческого труда и отделения обрабатывающей промышленности от земледелия действительно в корне противоречат положениям концепции Н.Ф. Даниельсона. Причиной таких расхождений «легальный марксист» считает одну из основных, по его мнению, ошибок народника, заключающуюся в том, что Н.Ф. Даниельсон в своей концепции исследует российское крестьянство как единое целое, не учитывая характерную для того периода дифференциацию в его среде. По мнению П.Б. Струве, о крестьянстве пореформенного периода нельзя говорить как о едином целом, так как в результате распространения товарного производства произошла его резкая дифференциация [9. С. 245].

В данном случае критика П.Б. Струве не лишена оснований. Н.Ф. Даниельсон в своих работах действительно говорит о крестьянстве в целом, не принимая во внимание его дифференциацию, характерную для пореформенного периода [1–7]. Здесь речь идет, прежде всего, об имущественной дифференциации крестьянства, что действительно нельзя не учитывать при анализе экономической ситуации в стране. В этих обстоятельствах П.Б. Струве прав, когда отмечает, что в период активного развития капиталистических отношений в России не могло происходить обнищание всего ее крестьянского населения: наиболее обеспеченная его часть, имеющая достаточно земли и рабочего скота, при увеличении интенсивности и производительности земледельческого труда и капитализации промыслов не только не теряла доход, но и увеличивала свое благосостояние, поскольку становилась активным участником рыночных отношений. Таким образом, согласно концепции «легального марксиста», увеличение производительности земледельческого труда и развитие товарного производства представляют собой путь к росту благосостояния зажиточного крестьянства. Обнищание же остальной его части, по мнению П.Б. Струве, – это необходимое условие развития капитализма, поскольку именно эти крестьяне пополняют ряды промышленных рабочих [9. С. 214].

В этой связи достаточно логичной выглядит и критика П.Б. Струве положения концепции Н.Ф. Даниельсона о том, что главными результатами развития капитализма (расширение запасов, строительство железных дорог, развитие торговли) являются сокращение народного потребления, застой хлебного производства и, в конечном итоге, хозяйственный кризис [1. С. 155; 2. С. 315–323; 3. С. 154; 4. С. 85; 6. С. 62]. По мнению «легального марксиста», данные выводы народника основаны на не заслуживающих доверия цифрах, поскольку для анализа взяты статистические данные всего за 8 лет, что отмечает в соответствующем разделе своей работы и сам Н.Ф. Даниельсон [9. С. 213]. К тому же в противовес положениям концепции народника П.Б. Струве отмечает тот факт, что застой производства при расширении запасов и железнодорожного строительства маловероятен [9. С. 213]. Кризис в этом случае представляет собой результат не капиталистического развития, а технической нерациональности земледельческого хозяйства [9. С. 224–225]. Следовательно, для улучшения благосостояния крестьянства, да и в целом повышения уровня экономического развития страны, необходимо применение в хозяйстве новейших для того времени достижений науки и техники. Об этом же в своих работах говорит и Н.Ф. Даниельсон. Однако П.Б. Струве при критике концепции Н.Ф. Даниельсона наличие у него данного тезиса не замечает, а возможно, попросту игнорирует для придания большей убедительности своим выводам [2. С. 322–323, 346].

С другой стороны, исходя из смысла концепции Н.Ф. Даниельсона, не вполне ясна необходимость применения в земледелии научных и технических достижений. Согласно теории народника, оптимальным путем экономического развития России является отказ от капитализма, как чужеродного для экономики России элемента, и возвращение к традиционным для нашей страны основам развития, под которыми он понимает следование принципу тесной связи средств производства с непосредственным производителем, развитие формы промышленности, основанной на владении крестьянством орудиями производства, и сохранение крестьянской общины как хозяйственной единицы. По мнению Н.Ф. Даниельсона, только организация производства, как земледельческого, так и промышленного, на основании таких принципов позволит обеспечить благосостояние всего населения, поскольку в таком случае

оно будет направлено на непосредственное удовлетворение потребностей производителя, а не на развитие рынка [2. С. 322–346; 7. С. 86].

Таким образом, в концепции народника, по справедливому замечанию П.Б. Струве, речь идет о сохранении и развитии в России натурального хозяйства. В связи с этим «легальный марксист» логично отмечает бессмысленность при такой форме организации производства его расширения путем применения достижений науки и техники [9. С. 223]. К тому же, согласно теории П.Б. Струве, сохранение в стране натурального хозяйства при сложившихся в пореформенный период экономических условиях было невозможно, поскольку оно достаточно активно вытеснялось хозяйством денежным: в это время крестьянство уже всецело находилось под властью рынка и, чтобы не утратить свою экономическую самостоятельность, должно было быть товарным производителем [9. С. 201–223].

В этой ситуации «легальный марксист» отмечает также губительный для крестьянства характер предлагаемого Н.Ф. Даниельсоном сохранения общины как хозяйственной единицы. Обосновывает это П.Б. Струве тем, что на почве общины не может развиваться народное благосостояние, поскольку в ее рамках происходит сдерживание производственного прогресса крестьянского хозяйства, что обуславливает отсутствие экономического роста, а это, в свою очередь, противоречит неизбежному процессу капиталистического развития, происходящему в России [9. С. 279–281]. В связи с этим П.Б. Струве указывает на ошибочный характер положения концепции Н.Ф. Даниельсона о чужеродном характере капитализма для российской экономики и отмечает, что оно подкреплено только соображениями исследователя, а не предлагаемыми им статистическими данными [9. С. 246].

«Легальный марксист» вообще ставит в укор народнику недостоверность используемых им источников, особенно правительственной (губернаторской) статистики [9. С. 213]. Сам П.Б. Струве в качестве основного источника для своего анализа сельскохозяйственного развития России пореформенного периода использовал данные земской статистики, по его мнению, более объективной и точной. Однако следует отметить, что в данном случае критика П.Б. Струве также недостаточно обоснована, поскольку оба эти типа статистических источников не отличались достаточной объективностью и полнотой сведений [10. С. 427–449].

При критике теории Н.Ф. Даниельсона о чужеродном характере капитализма для России особые возражения П.Б. Струве вызвало положение о возможности после крестьянской реформы 1861 г. выбора правительством страны пути развития между капитализмом и натуральным хозяйством и необходимости развития последнего [2. С. 1–3]. Как отмечает «легальный марксист», такой выбор был попросту невозможен, поскольку государство не может организовать производство на почве, совершенно для этого не подготовленной. Капитализм же – результат исторического процесса, его развитие не зависит от политики государства [9. С. 277–278]. Как отмечает П.Б. Струве, в современных для 70–80-х гг. XIX в. экономических условиях, таких как развитие парового транспорта и, благодаря ему, господство товарного производства, Россия должна была развивать у себя промышленный капитализм. В противном случае она оказалась бы отброшенной на несколько десятилетий назад и не только не сократила бы экономическое отставание от западных стран, но и во много раз увеличила его [9. С. 201–245]. Однако здесь необходимо оговориться, что Н.Ф. Даниельсон все-таки прав, когда обозначает важность для экономического развития страны протекционистской политики имперского правительства, направленной на поддержание капитализма [2. С. 330], по сути указывая на факт насаждения данного строя сверху.

На этот факт обращают внимание в своих работах и некоторые современные исследователи, отмечая, в частности, что специфика России заключается в силовом навязывании модернизации со стороны правительственного режима, причем не всегда удачном. Хотя, с другой стороны, в наше время те же историки указывают и на ситуацию сформированности в пореформенный период условий для капиталистического развития страны [11. С. 53, 56–60].

Таким образом, критика П.Б. Струве положений концепции Н.Ф. Даниельсона относительно капиталистического развития страны периода 1870–1880-х гг. выглядит достаточно убедительной и обоснованной, хотя и не во всех аспектах. Здесь необходимо отметить, что в сущности исследователи говорят о двух сторонах одного и того же процесса капитализации, только Н.Ф. Даниельсон уделяет внимание преимущественно его негативной стороне, связанной с ухудшением эко-

номического положения крестьянства. П.Б. Струве же видит, главным образом, позитивные аспекты данного процесса, связанные с развитием промышленности и ростом производительности в сельском хозяйстве. При этом оба исследователя склонны к преувеличению в аргументации своей точки зрения, стараясь любыми средствами доказать ее правомерность и ошибочность взглядов оппонента. Стоя на разных идеологических позициях, они, естественно, пришли к различным выводам относительно дальнейшего пути экономического развития страны, и, хотя концепция Н.Ф. Даниельсона оригинальна и на первый взгляд представляется достаточно логичной и обоснованной, выводы П.Б. Струве более реалистичны, поскольку в отличие от народника он учитывает большее количество факторов аграрного и промышленного положения в России последних десятилетий XIX в., принимая во внимание и необходимость ее международного признания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Апология власти денег как признак времени // Русское богатство, 1895. № 1. Отд. 2. С. 155–185; № 2. Отд. 2. С. 1–34.
2. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. 353 с.
3. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Условия развития внутреннего рынка для продуктов крупной промышленности // Русское богатство. СПб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1899. № 4. С. 119–154.
4. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Чем объяснить рост наших государственных доходов // Новое слово. СПб.: Тип. Н.Н. Скороходова, 1896. № 5 февраль. С. 56–85.
5. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства // Слово. 1880. № 10. С. 77–142.
6. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Наше общественное пробуждение с социально-экономической точки зрения. Беглые заметки // Русское богатство. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905. № 6. С. 36–62.
7. Даниельсон Н.Ф. (Николай-он). Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское богатство. СПб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1894. № 6. С. 86–130.
8. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
9. Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. 291 с.
10. Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 702 с.
11. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 246 с.